

И. В. Шведов, В. С. Кобзов

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КОМИТЕТЫ УРАЛА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

I. V. Shvedov, V. S. Kobzov

REVOLUTIONARY COMMITTEES IN THE URALS IN THE CIVIL WAR (HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS)

Статья посвящена анализу процесса восстановления органов пролетарской власти на Урале после освобождения его территории от войск Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. Обращается внимание на роль подразделений Красной армии в решении политических вопросов в прифронтовых районах, участие командиров, политработников и бойцов в работе по восстановлению политической инфраструктуры. На основе анализа архивных документов, материалов периодической печати и нормативно-правовых актов раскрываются причины, ход и особенности советского строительства в форме чрезвычайных органов, опровергаются утверждения исследователей советского периода о легитимности создания чрезвычайных органов власти — ревкомов, раскрываются правовая природа и методы их деятельности.

Ключевые слова: Гражданская война, Красная армия, политотделы, чрезвычайные органы, революционные комитеты, повстанческое движение, система управления.

The article is devoted to the analysis of the process of restoring the bodies of proletarian authority in the Urals after the liberation of its territory from the troops of the Supreme Ruler of Russia, Admiral A.V. Kolchak. Much attention is paid to the role of Red Army divisions in the solution of political problems in front line areas, to participation of military men and soldiers in the reconstruction of political infrastructure. The cause, development and peculiarities of the Soviet building are revealed on the basis of archive documents, periodicals, and legal acts. The statements of Soviet period researchers about the creation of emergency power bodies (revolutionary committees) are refuted; the legal nature and methods of their activities are discovered.

Keywords: Civil War, Red Army, political departments, emergency power bodies, revolutionary committees, insurrectionary movement, administration system.

Весной 1919 года успешно развивавшееся наступление войск адмирала Колчака было остановлено частями советского Восточного фронта, с переходом их в контрнаступление началось медленное отступление белых в глубь Урала¹ и Сибири. Наряду с задачей окончательного уничтожения крупнейшего очага белого движения, в повестку дня победителей вставали и вопросы налаживания мирной жизни в важнейшем промышленном регионе страны.

Не дожидаясь полного занятия восточных районов, советское политическое руководство начало подготовку к

восстановлению на занимаемых территориях прежней пролетарской системы управления. Большевики на тот момент не были уверены в лояльности к советской власти населения занимаемых территорий, особенно казачьего. Поэтому, учитывая печальный урок весны — лета 1918 года, когда против проводившейся политики на местах выступили не только крестьяне, но и значительная часть рабочих², Урало-Сибирское бюро ЦК РКП(б) стало инициатором создания в структуре политотделов армий Восточного фронта специальных подразделений по работе с местным населением. Они получили

название «крестьянских» отделов, т. к. ориентировались на работу с сельскими жителями, составлявшими более 80% населения региона. Аналогичные подразделения стали создаваться и в дивизионном звене. На сотрудников крестьянских подотделов и секций дивизий и полков возлагалась непосредственная задача возрождения партийных, молодежных и профсоюзных ячеек, опираясь на актив которых, инструкторы-организаторы затем приступали к восстановлению прочих советских учреждений.

Этой работе придавалось перво-степенное значение. На должности инструкторов-организаторов политотделов дивизий и полков назначались, как правило, лица из числа местного партийного актива, ушедшие после анти-большевистского переворота с отрядами Красной гвардии. Практиковалось и откомандирование из действующих частей участников большевистского подполья, по заданию своих организаций перешедших линию фронта для связи с советским центром. Имели место и факты демобилизации из армии значительного количества бойцов и командиров для нужд советской работы, как это было в случае с Верхнеуральским полком и красноказачьим полком им. Степана Разина, входившими в Особую кавалерийскую бригаду И. Каширина³. Несмотря на острую нехватку в 5-й советской армии кавалерийских частей, полк Степана Разина по занятии Троицка расформировали. Учитывая низкую партийную прослойку в станицах⁴, бойцов демобилизовали и отправили в казачьи районы для организации работы советских учреждений.

Неоднозначность политической обстановки в занимаемых Красной армией районах вынудила политическое руководство возрождать органы пролетарской власти не в виде закрепленных в первой советской Конституции представительных советов, а в форме чрезвычайных органов — ревкомов. Это позволяло не допускать в число депутатов нелояльные к большевикам элементы из числа их политических оппонентов и формировать персональный состав советских учреждений нужными людьми. Единого правового акта по созданию ревкомов не существовало, поэтому в первой половине 1919 года партийные работники руководствовались преимущественно локальными — приказами и инструкциями армейских и дивизионных политотделов⁵. Как показывает анализ выявленных в архивах регламентирующих документов, они были неполными и нередко противо-

речили друг другу, внося путаницу и в без того непростую ситуацию. Накопленный опыт получил свое обобщение и законодательное закрепление лишь осенью 1919 года с изданием ВЦИК «Положения о революционных комитетах»⁶.

Непосредственно формированием персонального состава ревкомов в полосе действия частей Восточного фронта занимались политотделы 1-й, 3-й, 5-й армий и Южной группы под командованием М. В. Фрунзе. Общее руководство осуществляло Урало-Сибирское бюро ЦК РКП(б), оказывавшее помощь местным организациям инструктивной и агитационной литературой и направлявшее на места имеющих опыт советской работы сотрудников. Для подготовки инструкторов-организаторов Урало-Сибирское бюро организовало и специальные краткосрочные курсы, на которые из действующих частей и тыловых учреждений направлялись специально подобранные сотрудники⁷.

Ревкомы создавались сотрудниками политотделов частей Красной армии для «...упорной обороны, установления революционного порядка в местностях, освобожденных от противника, в прифронтовой полосе и в тылу». В состав ревкомов входили (избирались на партийных и профсоюзных собраниях или сельских сходах) местные жители по классовому признаку из числа членов РКП(б) или сочувствующих. Обязанности ревкомов были довольно обширными, они решали задачи от организационных и военных до административных и хозяйственных включительно. Они должны были оказывать помощь частям Красной армии в снабжении продовольствием и необходимым снаряжением, расквартировании войск и проведении мобилизаций, они обеспечивали контроль за революционным порядком на подведомственной территории, по необходимости боролись с так называемым «политическим бандитизмом», принимали меры по налаживанию работы отраслей хозяйства, транспорта. Однако основной задачей сотрудников революционных комитетов все же являлось обеспечение необходимых условий и проведение выборов в местные советы.

Первые революционные комитеты в регионе возникли весной 1919 года, когда в ходе наступления 5-й армии Восточного фронта были заняты Белебеевский и Бирский уезды Уфимской губернии. По подсчетам уральских исследователей, к июлю 1919 года в губернии уже действовали один губернский, пять уездных, сто

тридцать волостных и более двухсот сельских и поселковых ревкомов. С августа того же года руководство советской работой в губернии перешло в руки Башревкома во главе с А. З. Валидовым⁸. По ходу продвижения советским строительством занимались и политорганы 3-й армии. В июне-июле 1919 года были сформированы Ижевский, Воткинский, Екатеринбургский, Камышловский, Верхотурский и Шадринский революционные комитеты. Особенностью советского строительства в Пермской губернии являлось то, что нередко комитеты действовали параллельно с исполкомами местных советов. В частности, из 74 волостей Екатеринбургского уезда чрезвычайные комитеты были созданы только в 26⁹. Причиной создавшегося положения было переформирование 3-й армии Восточного фронта в 1-ю Революционную армию труда и переориентация ее на восстановление уральской промышленности и транспорта. Осложнила положение и острая нехватка кадров, возникшая в связи с выделением из Пермской самостоятельной Екатеринбургской губернии.

Непросто проходило воссоздание пролетарской системы управления и в Оренбургской губернии¹⁰. В губернском центре ревком возник в начале апреля 1919 года, в период отражения наступления казачьих частей атамана Дутова. Инициаторами его создания выступили РВС Туркестанского фронта и 1-й армии. Возглавил губревком ответственный партийный работник А. А. Коростелев¹¹. Работа проходила в условиях боевых действий, требовавших концентрации всех сил и средств исключительно в интересах подразделений Красной армии. По этой причине ревком занимался исключительно вопросами обеспечения безопасности города, снабжением действующих на подступах к городу полков и формированием новых частей. На остальной территории, включая и уезды будущей Челябинской губернии, советское строительство началось в июне-июле 1919 года. В этот период сотрудниками политотделов 5-й, 20-й, 24-й, 26-й, 27-й, 35-й стрелковых дивизий был сформирован один губернский, четыре уездных, 277 волостных и станичных, 1650 сельских и поселковых ревкомов¹². 3 сентября Челябинский уездно-городской ревком был преобразован в губернский¹³. Челябинский ревком наглядно показал дальновидность советского руководства, восстанавливавшего пролетарскую власть в форме чрезвычайных комитетов. Именно члены ревкома взяли в свои руки организацию помощи частям

Красной армии во время предпринятого белыми контрнаступления, чем внесли весомый вклад в провал Челябинской операции. В частности, по призыву революционного комитета на помощь частям 27-й дивизии выступили отряды железнодорожников и шахтеров, в критический момент поддержавшие бойцов на правом фланге обороны города.

Другой «привлекательной» стороной чрезвычайных органов стала проявленная ими оперативность в решении возникающих, зачастую крайне острых, вопросов. В то время когда депутаты Советов вязли в митинговой демократии, политически лояльные члены ревкомов принимали и, главное, осуществляли реализацию решений в сжатые сроки. На фоне низкой профессиональной компетенции, невысокого политического и культурного уровня депутатского корпуса назначавшиеся партийными органами из своей же среды сотрудники революционных комитетов выглядели чуть ли не профессиональными управленцами. При этом следует иметь в виду, что именно в этот период начинают складываться первые элементы административно-командной системы, подменившей собой провозглашенный принцип «власть — трудящимся».

Вторым периодом возрождения ревкомов на территории Урала стали 1920—1921 годы, когда многие районы оказались в огне повстанческого движения. Взятый на местах курс выполнения любой ценой заданий продрозверстки и неблагоприятные погодные условия привели к небывалому голоду. В прежде благополучных в продовольственном отношении районах Урала стали в массовом порядке фиксироваться случаи употребления в пищу трупов умерших, убийств на почве голода. О масштабах трагедии говорят скупые официальные цифры — только в Челябинской губернии зимой 1921—1922 года от истощения умерло более 70 тыс. человек, что сопоставимо с численностью жителей губернского центра¹⁴.

Доведенные до отчаяния крестьяне и казаки целых селений, волостей и станиц вынужденно брали в руки импровизированное оружие (в большинстве случаев изготовленное из сельскохозяйственных орудий) и выступали против проводившегося властью курса под лозунгами «За советы без коммунистов» и «Долой продрозверстку». По региону прокатилась волна антибольшевистских восстаний, наиболее крупными из которых были Ишимско-Петропавловское восстание, восстание «Черного орла-земледельца»

в Уфимской губернии, мятеж Сапожкова (выступление 3-й Туркестанской кавалерийской дивизии в Бузулуке), выступление под руководством командира 49-го батальона внутренних войск (ВОХР) Охранюка (Черского).

Накал классовой борьбы вызвал серьезное беспокойство властей, которые в качестве основной формы борьбы с набравшими силу выступлениями в очередной раз использовали меры репрессивного характера. Проводником этих мер вновь стали революционные комитеты, временно подменявшие собой исполкомы местных советов. Особенностью этого периода советского строительства было то, что чрезвычайные комитеты образовывались только в тех районах, в которых вводилось военное положение. При этом избранные волостные, станичные и уездные советы не прекращали своей работы, а персональный состав ревкомов формировался из членов соответствующих исполкомов, партийных комитетов и карательных органов — ЧК и Рабоче-крестьянской милиции. На подавление открытых выступлений направлялись находившиеся в губерниях войска регулярной Красной армии, части ВОХР, коммунистические отряды и ЧОН. Оперативная работа в среде повстанцев возлагалась на сотрудников уездных Политбюро (симбиоз ЧК и уголовного розыска), имевших разветвленную агентурную сеть. Ревкомы в этих условиях выступали руководящим и координирующим центром по ликвидации восстаний и устранению их последствий, сосредоточив в своих руках всю полноту гражданской и военной власти.

«Чрезвычайщина» в первые годы существования пролетарской власти стала наиболее широко применявшимся способом разрешения возникавших противоречий. Стремясь любыми путями удержать политическую ситуацию под контролем, руководители всех уровней сознательно сужали рамки демократических подходов к управлению повседневностью. Ликвидация бойкота банковских служащих и борьба с так называемым мешочничеством вменялись в компетенцию созданной в декабре 1917 года Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, преступлениями по должности и спекуляцией (ВЧК). Преодолением многочисленных эпидемий и их последствий занимался «чрезвычайный» Чекатиф (Чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом), работа по обеспечению железнодорожного транспорта, населения и предприятий топливом возлагалась на Чекатоп (Чрезвычайную комиссию по снабжению топливом),

борьба с трудовым дезертирством и самовольным оставлением частей Красной армии — на Комдез.

Обыденными чрезвычайные методы стали и в деятельности революционных комитетов (ревкомов). Во многих случаях они, прикрываясь особым положением, в нарушение Конституции и действовавшего законодательства, выносили и приводили в исполнение смертные приговоры в отношении дезертиров и лиц, заподозренных в участии в антисоветских выступлениях или в оказании помощи повстанцам. Вышестоящие органы формально осуждали такие факты, но в действительности оправдывали «революционное рвение» ревкомовцев и брали их под защиту от уголовного преследования, как это было, например, в случаях с налетом на город Златоуст отряда «зеленых» в октябре 1919 года¹⁵ или с расстрелом нескольких подозреваемых в бандитизме казаков начальником одного из райотделов Рабоче-крестьянской милиции Троицкого уезда В. Ф. Пальчиковым¹⁶.

Без проведения следствия и суда расправы осуществлялись и в ходе крупных выступлений против власти. Восставших не щадили. Не имевшие серьезного вооружения повстанцы несли тяжелые потери. В частности, в одном из отчетов штаба по ликвидации восстания «Черного орла» сообщалось, что советские войска в одном из боев потеряли 15 человек убитыми и 47 ранеными, в то время как «...у противника убитых 1078, раненых 2400, захвачено в плен 2029 человек»¹⁷.

Проблемным является и вопрос о легитимности революционных комитетов. Конституция 1918 года полномочными органами пролетарской власти провозглашала исключительно представительные советы рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. В ней не предусматривалось даже гипотетической возможности создания альтернативных советам органов власти, тем более способных совершать политические действия от имени трудящихся. В научной литературе еще советского периода сложились две точки зрения по вопросу о месте революционных комитетов в государственно-правовой системе Советской Республики. Подавляющая часть исследователей считала ревкомы временными органами, вызванными к жизни военно-политической обстановкой, и называла этот процесс «...живым творчеством масс»¹⁸. В противовес официозу Г. И. Литвинова и группа ее сторонников выдвинули тезис о противоречивости правового статуса революционных комитетов¹⁹. Новаторы, отметив,

что создание чрезвычайных органов власти принятой в 1918 году Конституцией РСФСР не предусматривалось, в силу сложившейся идеологической парадигмы все же сделали вывод о том, что это отступление было вынужденным, вызванным обострением классово-борьбы.

Ссылки на революционное творчество масс, по мнению исследователей истории КПСС, должны были придать деятельности чрезвычайных органов видимость законности, применявшиеся ими меры принудительного характера оправдывались политической обстановкой, опасностью гибели пролетарской власти. Понятие «законность» исследователями советского периода подменялось неким «революционным правосознанием», призванным обеспечивать диктатуру пролетариата, нередко оборачивавшимся и против самих же рабочих региона.

Как показала жизнь, попытки восстановления народного хозяйства внеэкономическими методами (трудовая повинность, милитаризация труда) повсеместно провалились. Не дали же-

лаемого результата и методы военного коммунизма в сельском хозяйстве, накал повстанческого движения и дезертирства сбила не репрессивная политика местных властей, а замена продразверстки продовольственным налогом, т. е. возврат к традиционным товарно-денежным отношениям. Однако следует признать, что творцы «военного коммунизма» и «чрезвычайщины» своей цели в конечном итоге достигли — большевики, не считаясь с ценностями демократии и принципами законности, не считая человеческие жертвы, одержали победу в Гражданской войне. Именно в это время зародились основы советской системы управления, переросшей в дальнейшем во всевластную бюрократическую пирамиду — командно-административную систему. Именно командная система, неповоротливая и неэффективная в мирное время, не способная адекватно отвечать на вызовы времени, стала одной из основных причин распада преемника РСФСР — Советского Союза. Поэтому вопрос о том, кто же победил в Гражданской войне, остается открытым.

Примечания

1. В рассматриваемый период Большим Уралом традиционно было принято считать территорию четырех губерний — Вятской, Пермской, Уфимской и Оренбургской.
2. *Иванов А. В., Тertyшный А. Т.* Уральское крестьянство и власть в период Гражданской войны (1917—1921 гг.): опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. — Екатеринбург : Уральский государственный университет, 2002. — С. 180.
3. Челябинская губерния в период военного коммунизма. Документы и материалы. — Челябинск, 1961. — С. 134—135.
4. Как показывает анализ документов, в Челябинском уезде, являвшемся одним из центров проживания казаков, только в 4 из 71 действовавших станично-волостных ревкомов были представлены сочувствующие РКП(б), в остальных их персональный состав был беспартийным.
5. РГВА Ф. 157. Оп. 2. Д. 910. Л. 44; Ф. 185. Оп. 2. Д. 570 (1). Л. 39—40; ОГАЧО Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 6; Ф. Р-542. Оп. 1. Д. 8.
6. Положение ВЦИК «О революционных комитетах». 24 октября 1919 г. // Декреты Советской власти. — Т. 6. — М., 1973. — С. 225—228.
7. ЦГАООРБ Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.
8. *Бугай Н. Ф.* Чрезвычайные органы советской власти. — М. : Наука, 1990. — С. 58.
9. ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 5. Л. 229.
10. 3 сентября 1919 года из Оренбургской была выделена самостоятельная Челябинская губерния в составе Челябинского, Курганского, Троицкого, Кустанайского и Верхнеуральского уездов.
11. ГАОО Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 39а. Л. 1—8.
12. Подсчитано на основе отчетов местных органов управления: ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 2. Д. 395; Ф. Р-294. Оп. 2. Д. 56; Ф. Р-542. Оп. 2. Д. 31; Ф. Р-363. Оп. 1. Д. 3; Ф. Р-714. Оп. 1. Д. 78; Ф. Р-885. Оп. 2. Д. 1; Д. 4; Д. 88.
13. ОГАЧО. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
14. ОГАЧО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 30. Л. 24; *Боже В., Непейн И.* Жатва смерти. Голос в Челябинской губернии в 1921—1922 гг. Материалы в помощь учителю. — Челябинск, 1994. — С. 18; *Абрамовский А. П., Кобзов В. С.* Продразверстка в Челябинской губернии (август 1919 — март 1921 г.) // Оренбургское казачье войско: поиски, находки, открытия. — Челябинск, 1999. — С. 56.
15. *Кобзов В. С., Сичинский Е. П.* Государственное строительство на Урале в 1917—1921 гг. — Челябинск, 1997. — С. 158.
16. *Кобзов В. С.* Правоохранительные органы Урала в годы Гражданской войны. — Челябинск, 2002. — С. 190.

17. ЦГАООРБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 305. Л. 22.
 18. Гимпельсон Е. Г. Советы в годы Гражданской войны и иностранной интервенции. — М., 1968; Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны. 1919—1921. — Новосибирск, 1978; Бугай Н. Ф. Ревкомы. — М., 1981; Бугай Н. Ф. Чрезвычайные органы Советской власти. — М.: Наука, 1990.
 19. Литвинова Г. И. Революционные комитеты в годы Гражданской войны. — М., 1974; Селиванов Н. П. К вопросу о формировании и деятельности военно-революционных комитетов на Урале в период Октябрьской революции // Боевая деятельность большевистских организаций Урала в 1905—1920 гг. — Свердловск, 1983.

References

1. Abramovskii A.P., Kobzov V.S. Prodravzverstka v Chelyabinskoi gubernii (avgust 1919 - mart 1921 g.). Orenburgskoe kazach'e voisko: poiski, nakhodki, otkrytiya [Surplus appropriation system in the Chelyabinsk region (August 1919 - March 1921). Orenburg Cossack Army: Searches, findings, discoveries]. Chelyabinsk, 1999. p. 38-58.
2. Bozhe V., Nepein I. Zhatva smerti. Golod v Chelyabinskoi gubernii v 1921-1922 gg. Materialy v pomoshch' uchitelyu [Harvest of death. Hunger in the Chelyabinsk province in 1921-1922. Teacher's materials.]. Chelyabinsk, 1994. 34 p.
3. Bugai N. F. Revkomy [Revolutionary Committees]. Moscow, Politizdat Publ., 1981. 175 p.
4. Bugai N. F. Chrezvychainye organy sovetskoj vlasti: revkomy 1918-1921 [Special organs of Soviet authority: Revolutionary committees in 1918-1921]. Moscow. Nauka Publ., 1990. 318 p.
5. Gimpel'son E. G. Sovety v gody grazhdanskoi voiny i inostrannoj intervetsii [Councils in the period of the Civil War and foreign intervention]. Moscow. Nauka Publ., 1968. 511 p.
6. Ivanov A. V., Tertyshnyi A. T. Ural'skoe krest'yanstvo i vlast' v period grazhdanskoi voiny (1917-1921 gg.): Opyt osmysleniya problemy v Otechestvennoi istoriografii [Ural peasants and authorities in the period of the Civil War (1917-1921): Experience of the problem understanding in Russian historiography]. Yekaterinburg. Ural'skii gosudarstvennyi universitet, 2002. 252 p.
7. Kobzov V. S., Sichinskii E. P. Gosudarstvennoe stroitel'stvo na Urале v 1917-1921 gg [State construction in the Urals in period of 1917-1921.]. Chelyabinsk, 1997.
8. Kobzov V. S., Semenov A. I. Pravookhranitel'nye organy Urала v gody grazhdanskoi voiny [Law enforcement agencies in the Urals during the Civil War]. Chelyabinsk, Chelyabinskii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2002. 201 p.
9. Litvinova G. I. Revolyutsionnye komitety v gody grazhdanskoi voiny [Revolutionary committees during the Civil War]. Moscow. Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 152 p.
10. Statute of the Central Executive Committee «On the revolutionary committees». October 24, 1919. Decrees of the Soviet Authority. V. 6. Moscow, 1973. p. 225-228. (In Russ.)
11. Selivanov N. P. K voprosu o formirovanii i deyatel'nosti voenno-revol'yutsionnykh komitetov na Urале v period Oktyabr'skoi revolyutsii. Boevaya deyatel'nost' bol'shevistskikh organizatsii Urала v 1905-1920 gg [To the question of formation and activities of the military and revolutionary committees in the Urals during the October Revolution. War activities of Bolsheviks organizations in the Urals in 1905-1920]. Sverdlovsk, 1983.
12. Chelyabinsk province during the period of war communism. Documents and materials. Chelyabinsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1960. 707 p. (In Russ.)
13. Shishkin V. I. Revolyutsionnye komitety Sibiri v gody grazhdanskoi voiny. 1919-1921 [Revolutionary committees in Siberia during the civil war. 1919-1921]. Novosibirsk, 1978.
14. Shishkin V. I. Chrezvychainye organy sovetskoj vlasti [Special organs of Soviet power]. Moscow, Nauka Publ., 1990.
15. Russian State Military Archive F.157. Op. 2. D. 910. L. 44 (In Russ.)
16. F. 185.Op. 2. D. 570(1). L. 39-40;
17. United State Archive of Chelyabinsk region F. R-75. Op. 1. D. 6 (In Russ.)
18. F. R-542. Op. 1. D. 8.
19. Central Public Record Office of public association of the Republic of Bashkortostan F. R-1. Op. 1. D. 65. L. 1. (In Russ.)
20. State Archive of Sverdlovsk region. F. R-7. Op.1. D. 5. L. 229. (In Russ.)
21. State Archive of Sverdlovsk region F. R-1. Op. 1. D. 39a. L. 1-8. (In Russ.)
22. F. P-77. Op. 2. D. 395;
23. F. R-294. Op. 2. D. 56;
24. F. R-542. Op. 2. D.31;
25. F. R-363. Op. 1. D. 3;
26. F. R-714. Op. 1. D. 78;
27. F. R-885. Op. 2. D. 1;
28. D. 4; D. 88.

29. United State Archive of Chelyabinsk region. F. R-383. Op. 1. D. 5. L. 4. (In Russ.)
30. United State Archive of Chelyabinsk region. F. R-380. Op. 1. D. 30. L. 24 (In Russ.)
31. Central Public Record Office of public association of the Republic of Bashkortostan. F. 1832. Op. 4. D. 305. L. 22. (In Russ.)

ШВЕДОВ Игорь Валерьевич, соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), 454080, г. Челябинск. пр. Ленина, 76. E-mail: lotto@list.ru

SHVEDOV Igor Valerievich, doctoral candidate (Cand. Sc. Law) of the South Ural State University, 76, Lenina Av. , Chelyabinsk, 454080. E-mail: lotto@list.ru

КОБЗОВ Владимир Серафимович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), 454080, г. Челябинск. пр. Ленина, 76. E-mail: lotto@list.ru

KOBZOV Vladimir Serafimovich, PhD History, Professor, Professor of the Department of Criminal and Legal Disciplines of the South Ural State University, 76, Lenina Av. , Chelyabinsk, 454080. E-mail: lotto@list.ru

